

мом.¹⁶¹ В связи с приведенными данными о других аналогичных явлениях русского влияния в разных областях культурной жизни южного славянства в данный период, а также принимая во внимание вероятность, что при создании Борилова Синодика в неделю православия мог быть использован какой-нибудь русский список первоначального болгарского Синодика старославянской эпохи,¹⁶² можно считать вероятным, что в датировке Борилова Синодика применена русская система датировки с началом года в марте. Вполне естественно, что при непрерывных дипломатических сношениях с соседней Византией в Болгарии должна была привиться и практика датировки по византийской сентябрьской системе (так же как это имело место и на Руси), но отдельные случаи мартовской датировки в Болгарии находим и позднее, например в болгарском евангелии 1359 г.¹⁶³ Это могло иметь место только при сознании, что мартовское начало года имеет свое каноническое основание и, следовательно, может употребляться параллельно с византийской сентябрьской системой, как это применяется в богослужебном обиходе в параллелизме двух годовых кругов, пасхального и индикта.

Это сознание основывалось на богословской и астрономической аргументации византийских компутистов. Научно-теоретически оно излагалось в пасхалистических трактатах, как например в сербском переводе Синтагмы Матфея Властаря (середина XIV в.). Хронография (в частности, Амартол в сербском списке 1386 г.) указывала, что «первый месяц, иже от Еврей глаголемы Ниса, от нас же глаголеми Март, яко же рече господь: месяц сеи начаток месецем вам... Тожде и нам по божиим светом дркиви начело лета буди всегда, якоже и светую Пасху обретающе» и т. д. Пролог под 1 марта приводит особую статью с аргументацией о мартовском начале года. Учительная литература содержит списки древних поучений с хронологическими выкладками по мартовской системе, как например в Слове Максима Исповедника на Благовещение (в сербском Грачанинском Прологе последней четверти XIV в.). Ту же традицию встречаем в народной апокрифической литературе «о зодиях», о двенадцати пятках, в лунниках, громовниках и т. д.¹⁶⁴ Неизмеримо важнее, что эта же система и монументально увековечена королем Милутином в росписи его церкви в Старом Нагоричине, построенной в 1317—1318 гг. Здесь фрески целого цикла праздников распределены по мартовской системе — композиции начинаются мартом и кончаются февралем.¹⁶⁵ Обращая внимание на этот пример применения мартовской датировки, Станоевич охарактеризовал его как курьез, который мог бы быть объяснен венецианским влиянием.¹⁶⁶ Естественнее это явление может быть истолковано по своей органической связи со славянской пасхалистической традицией, применяемой в богослужебном обиходе и живущей в литературе от Библии до апокрифов и фольклора. На Руси, как уже упомянуто, мартовский стиль в хронологии применялся с древнейшего времени в документах и в хронографии и, как нам кажется, пришел

¹⁶¹ Янко Тодоров. Таблици за определяне и провераване на дати от българската и византийска история. София, 1945, стр. 12—13 и 32—34.

¹⁶² См.: В. Мошин. Сербская редакция Синодика в неделю православия — Византийский временник, т. XVI. М., 1959, стр. 317—394.

¹⁶³ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908, стр. 104—105.

¹⁶⁴ См.: В. Мошин. Мартовско дитирање. — Историски Гласник, бр. 1—2. Београд, 1951, стр. 47—54. Приводимые здесь цитаты даны в несколько исправленном и упрощенном правописании.

¹⁶⁵ См.: В. Петковић. Календар у старом живопису српском. — Старинар, Трећа серија, I. Београд, 1922, стр. 4—5.

¹⁶⁶ Ст. Станоевић. Студије о српској дипломатици XVII. Датирање. — Глас Српске академије, СХХII. Београд, 1928, стр. 47.